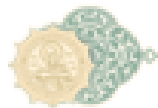

Окончательный переходъ Кіева отъ Польши къ Россіи по договору о вѣчномъ мирѣ между ними въ 1686 году ¹⁾).

Предметомъ нашихъ специальныхъ занятій въ послѣдніе годы служить исторія православно-русской церкви (или точнѣе остатковъ ея) въ предѣлахъ польско-литовскаго государства въ самомъ концѣ XVII и въ XVIII в.в. Это была, можно съ увѣренностію сказать, совсѣмъ особенная эпоха въ жизни некогда самостоятельной и отдѣльной западно-русской православно-русской церкви. Какъ и прежде, такъ и теперь остатки православно-русской культуры на пространствѣ (бывшаго) Великаго Княжества Литовскаго и З. Руси должны были выдерживать борьбу съ культурою польско-католическою. Но какъ отлична была эта борьба отъ той, которую З. Русь вела раньше, въ XV, XVI и XVII в.в. и которая особенно въ послѣднее время, благодаря усиленнымъ розысканіямъ различныхъ ученыхъ, болѣе или менѣе полно выяснилась для историковъ! И прежде эта борьба была неравная, а теперь она дѣлается въ полномъ смыслѣ слова драматическою, влѣдствіе слишкомъ большой разницы въ силахъ двухъ противниковъ. З. Русь съ этого времени лишилась рѣшительно всѣхъ тѣхъ средствъ, какими она пользовалась прежде въ борьбѣ съ давленіемъ

¹⁾ Рефератъ, читанный въ собраніи Историческаго Общества Пестора Литовскаго при Университетѣ Св. Владиміра, 14 марта 1904 года.

на нее со стороны польско-католической культуры. У нея не было теперь ни сильного своего шляхетства, которое могло бы, какъ прежде, защищать права русскихъ на сеймахъ и въ крайнемъ случаѣ протестовать противъ явно несправедливыхъ обидъ и насилій русскимъ и тѣмъ хотя нѣсколько сдерживать ихъ. У нея не было теперь и школъ, гдѣ бы могли подготовляться образованные защитники своего народа, знакомые съ его исторіей, правомъ польско-литовскаго государства и т. п. Не было у нея теперь ни своихъ типографій, ни литературы, ни просвѣщеннаго духовенства...

При такихъ страшно неблагоприятныхъ условіяхъ, должна была жить З. Русь въ концѣ XVII и въ XVIII в.в. и при томъ отстаивать свою національность, свои человѣческія права. Когда мы, отвлекаясь отъ источниковъ, представляемъ себѣ исторію З. православной Руси въ это время, то она напоминаетъ намъ вечерній закатъ сѣвернаго солнца, постепенное погораніе могучаго свѣтила, которое точасъ же послѣ своего заката является иногда для жителей сѣвера еще въ болѣе величественномъ и блестящемъ видѣ...

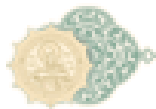
Такъ и православно-русская народность и культура, совсѣмъ было, казалось, угасшая къ концу XVIII в., вслѣдъ затѣмъ возродилась въ новой, еще болѣе яркой силѣ.

Начало новой эпохи исторической жизни З. Руси и, въ частности, православно-русской церкви въ предѣлахъ польско-литовскаго государства было положено заключеніемъ вѣчнаго мира между Россією и Польшею въ 1686 году. Договоръ 1686 г. имѣлъ весьма важное, можно сказать, даже рѣшающее значеніе во всей послѣдующей исторической судьбѣ З. Руси до самаго конца Рѣчи Посполитой. Сущность этого договора заключалась въ томъ, что Россія по нему получила юридическое право оказывать покровительство и формально вступаться за православно-русскихъ подданныхъ Польско-Литовскаго государства. Такое значеніе вѣчнаго мира съ Россією польское правительство и общество прекрасно пони-

мало и при самомъ его заключеніи и принятіи. Оттого-то сеймъ польскіе конца XVII и начала XVIII в.в. такъ настойчиво противились утвержденію этого договора. Какъ извѣстно, договоръ этотъ такъ и не былъ внесенъ въ польскія конституціи. Онъ былъ съ трудомъ принятъ только Варшавскою ратою 1710 г., подъ сильнымъ давленіемъ русскаго посла. Еще чувствительнѣе сталъ давать знать о себѣ вѣчный миръ Польши съ Россіею позже, когда наше правительство со времени императрицы Елизаветы и особенно Екатерины II начало сильно вмѣшиваться во внутреннюю политику Польши. Тогда была сдѣлана усиленная попытка со стороны польскихъ дипломатовъ и юристовъ поколебать историческую и юридическую основу вѣчнаго мира Россіи съ Польшею въ 1686 г., но было уже поздно.

Мы нарочито болѣе подробно остановились на характеристикѣ вѣчнаго мира Россіи съ Польшею въ 1686 г. для того, чтобы читателю была болѣе понятна наша послѣдующая рѣчь. Рѣчь наша будетъ спеціально объ окончательномъ переходѣ Кіева отъ Польши къ Россіи, каковой переходъ былъ санкціонированъ именно вѣчнымъ договоромъ Россіи съ Польшею въ 1686 г. Считаеиъ необходимымъ предупредить нашихъ читателей, что самый фактъ этотъ не новый. Онъ извѣстенъ намъ и изъ общесторическихъ трудовъ, и изъ спеціальныхъ трудовъ по исторіи южной Руси и, наконецъ, даже изъ описаній нашего Кіева. Но ближайшее наше знакомство со всею литературою вопроса привело насъ къ тому глубокому убѣжденію, что учеными, касавшимися даннаго вопроса, не были изучены всѣ первоисточники. Этимъ только мы и объясняемъ нѣкоторые дефекты и неточности, или неясности въ нашихъ представленіяхъ о фактѣ окончательнаго перехода Кіева отъ Польши къ Россіи въ 1686 г. Съ своей стороны, мы намѣрены рассмотреть этотъ вопросъ исключительно на основаніи первоисточниковъ,

а именно статейныхъ польскихъ списковъ и польскихъ и малороссійскихъ дѣлъ, хранящихся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ Московскомъ же Архивѣ Юстиціи.

Всѣмъ присутствующимъ, конечно, извѣстно, что Кіевъ нашъ выдѣлился изъ состава русскаго государства во второй половинѣ XIV в. (какъ думаютъ иные въ 1362 г.), когда онъ былъ присоединенъ В. К. Л. Ольгердомъ къ своимъ владѣніямъ. Въ 1386 г., при династическомъ объединеніи Польши и Литвы, Кіевъ вошелъ въ составъ Польско-Литовскаго государства. Кіевомъ, какъ областнымъ городомъ Польско-Литовскаго государства, управляли сначала литовско-русскіе удѣльные князья—Олельковичи, а потомъ съ 1471 г. воеводы литовско-русскаго происхожденія; съ 1569 г., со времени политической уніи Польши и Литвы, кіевскіе воеводы стали назначаться какъ изъ литовцевъ, такъ и изъ поляковъ, но всѣ они были католики.

Въ такомъ положеніи Кіевъ оставался до начала второй половины XVII в., до возстанія Малороссіи противъ Польши при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Въ 1654 г. Малороссія просилась и была принята Москвою въ подданство ея. 8 января того же года послѣ присяги гетмана и старшины Малороссійской въ Переяславской соборной церкви царскій посолъ, бояринъ Бутурлинъ, вручая Богдану Хмѣльницкому фериазъ, говорилъ: „благочестивый государь, орла носяй печать, яко орель покрыти гнѣздо свое и на птенцы своя вождеть, *градъ Кіевъ* съ прочими грады царскаго своего орла нѣкогда гнѣздо сущія хотяй милостію своею государскою покрыти, съ нимъ же и птенца своя вѣрныя нѣкогда подъ благочестивыхъ царей державою сущія въ защищеніе свое пріяти, въ знаменіе таковыя своя царскія милости тебѣ одежду сію даруетъ“¹⁾.

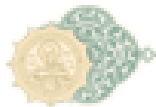
¹⁾ См. у Соловьева С. М. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1637.

17 января того же года были приведены къ присягѣ на вѣрность и подданство Московскому государю сотники, псаулы, атаманы и мѣщане кіевскіе ¹⁾, а въ мартѣ мѣсяцѣ того же года Кіевъ былъ уже занятъ московскими войсками ²⁾.

Но это была только военная оккупация, выражаясь современнымъ языкомъ. Оккупация была обусловлена, съ одной стороны, добровольнымъ переходомъ Малороссіи въ подданство Москвѣ, а съ другой стороны, открывшеюся вслѣдъ затѣмъ войною между Россією и Польшею. Война эта, съ небольшимъ перерывомъ, продолжалась до 1667 г., когда было заключено въ Андрусовѣ перемиріе на 13 лѣтъ. Перемиріе было результатомъ весьма продолжительныхъ переговоровъ между уполномоченными русскаго и польскаго правительствъ, причемъ съ московской стороны въ переговорахъ участвовали самые искусные дипломаты того времени въ родѣ А. Л. Ордына-Нащокина и др. Предметомъ самыхъ горячихъ споровъ между уполномоченными былъ Кіевъ. При этомъ уже теперь весьма краснорѣчиво обнаружилось отношеніе московскаго и польскаго правительствъ къ предмету споровъ, т. е. нашему Кіеву, именно: насколько Москва и Польша цѣнили Кіевъ и въ какой степени они желали обладать имъ. Какъ это ни страннымъ можетъ показаться на первый взглядъ, но Москва и московскіе дипломаты сравнительно мало цѣнили Кіевъ и потому не особенно стремились къ обладанію имъ. Какъ въ это время, такъ и впослѣдствіи бывали моменты, когда Москва рѣшалась и притомъ сравнительно легко отказаться отъ Кіева ради другихъ уступокъ со стороны Польши. И только малороссы и украинскіе дипломаты, которые всегда стояли за переходъ Кіева отъ Польши къ Москвѣ, поддерживали и возбуждали въ московскихъ

¹⁾ См. тамъ же, кн. II, стр. 1640.

²⁾ См. тамъ же, кн. II, стр. 1641.

уполномоченныхъ энергію добиваться отъ Польши уступки Кіева въ сторону Москвы. Такъ было и въ 1667 году. Сначала шли переговоры о заключеніи вѣчнаго мира. Ради вѣчнаго мира царь Алексѣй Михайловичъ давалъ полномочіе Нащокину уступить Польшѣ даже и Кіевъ¹⁾. Но на вѣчномъ мирѣ не сошлись и стали говорить о временномъ перемиріи. Царь велѣлъ своимъ уполномоченнымъ требовать уступки Кіева только на 5 лѣтъ. Но польскіе комиссары 10 декабря 1666 г. съ клятвою объявили, что, по сеймовому указу, имъ велѣно уступить Смоленское воеводство со всею Сѣверскою землею, но Кіевъ взять безъ откладыванія²⁾. Нащокинъ донесъ объ этомъ въ Москву. И вотъ 17 декабря царь послалъ статьи, примѣриваясь къ которымъ, должно было договариваться: „перемиріе на 12 лѣтъ или болѣе; уступить за Кіевъ Динабургъ съ южною Ливонією; если же не согласятся, то по послѣдней мѣрѣ уступить и Кіевъ съ задѣшуровскими городами Кіевской стороны, а восточной сторонѣ Днѣпра быть за паремъ, Запорожье подѣлать—здѣшней сторонѣ быть за Москвою, а другую уступить Польшѣ. Статьи объявлять не вдругъ, а продержатъ комиссаровъ и войну задержать до послѣдняго зимняго пути“. 22 декабря Нащокину былъ посланъ новый наказъ: „за Кіевъ и за здѣшнюю сторону Запорожья давать деньги, ибо пристойно, чтобъ Кіеву и здѣшней сторонѣ Запорожья никакъ уступкѣ не быть“. Нащокинъ донесъ, что послѣ 30 сѣздовъ польскіе комиссары уступили, наконецъ, всю восточную сторону Днѣпра, но Кіевъ все еще не уступаютъ и, вопреки договору, польскія войска двинулись въ Смоленскій уѣздъ. 6 января 1667 г. въ отвѣтъ на это царь писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: „если же никакими способами Кіева удержать будетъ нельзя, комиссары снисходительны

¹⁾ См. тамъ же, кн. III, стр. 174

²⁾ См. тамъ же, кн. III, стр. 175.

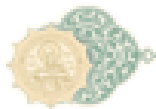

не будутъ, рати изъ Смоленскаго уѣзда не выведутъ, а захотятъ крови, то Кіевъ уступить; но прежде настояте о выводѣ и задержаніи войскъ, чтобъ отдавать было волею, а не по нуждѣ. Смотрѣть накрѣпко, не своею ли службою хотятъ комиссары удержать Кіевъ, не нарочно ли говорятъ, что указъ имъ присланъ съ сейма; а намъ подлинно извѣстно, что сеймъ разорвался безъ всякаго дѣла. Стойте всѣми силами, чтобъ намъ въ титлахъ попрежнему Кіевскимъ писаться“.

Итакъ, въ то время, какъ московское правительство для избѣжанія кровопролитія рѣшалось возвратить Польшѣ Кіевъ, польскій сеймъ, наоборотъ, готовъ былъ даже на продолженіе страшно тяжелой и крайне истощившей государство войны, лишь бы только добиться возвращенія Кіева отъ Москвы. И все-таки польскіе комиссары должны были согласиться на продолженіе временной военной оккупации Кіева Москвою. Какъ можно догадываться изъ донесенія Нащокина въ Москву, это было для нихъ величайшимъ подвигомъ самоотверженія. „Силнше чедовѣческой мысли“, писалъ Нащокинъ, комиссары согласились уступить Кіевъ на два года.

Въ чемъ же секретъ? Что заставило польскихъ комиссаровъ и польское правительство пойти на такую уступку? Дѣло просто объясняется. Когда гетманъ Дорошенко узналъ, что польскіе комиссары никакъ не хотятъ уступить Кіевъ Москвѣ, то онъ вошелъ въ сношенія съ Крымомъ и Турціей, вызвалъ набѣгъ крымскихъ татаръ на Польшу и началъ даже дѣйствовать въ пользу союза Крыма съ Москвою противъ Польши. Въ то же самое время Дорошенко просилъ царя не заключать міра съ Польшею, безъ уступки ей Кіева, и, благодаря этому, Кіевъ остался за Москвою¹⁾.

¹⁾ См. въ М. Арх. М. И. Д. дѣла Крымскія 1666 и 1667 и Арх. Мин. Юстиціи столбцы малорос. приказа № 5872.

Вотъ что объ этомъ читаемъ въ 7-й статьѣ Андрусовскаго договора между Россією и Польшею: „а самый городъ Кіевъ съ тѣми жъ монастырями Печерскимъ и съ иными, при Кіеве оставленными околицами, такожь и съ пушками съ старыми, съ которыми напередъ сего принять Кіевъ въ сторону царскаго величества, и зъ живностью, въ то время тамъ будучею, въ сторону его королевскаго величества і Рѣчи Посполитой имѣеть быть отданъ и очищенъ до-первой о вѣчномъ покое комисіи, въ тѣхъ перемирныхъ лѣтѣхъ припадающей, се есть въ два года отъ нынѣшняго договору считаючи, дастъ Господь Богъ въ пришлому 7177-мъ году въ мѣсяце апрѣле въ 5 день; однакожь до того очищенія Кіева и отданія онаго въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой имѣеть быти отъ великихъ государей нашихъ межъ собою черезъ посланниковъ съ любительными грамотами обсылка, чтобъ съ одной стороны о отдаче, а з другой стороны о принятіи не безъ вѣдома было, которые обсылки хотя бы і не были, однакоже городъ Кіевъ въ сторону его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой на срокъ противъ описанія нынѣшняго возвращень и уступлень быти повинень, которой тогъ Кіевъ черезъ тѣ два года покамѣста въ держаніи его царскаго величества будетъ, имѣеть имѣти крѣпкую изъ войска его царскаго величества оборону, какъ противъ бусурманъ, такожь и противъ своевошныхъ козаковъ, гдѣ и живности и запасовъ воинскихъ до обороны къ надобью его царское величество додавати велить. А за то никакой при уступленіи того Кіева нагороды отъ его королевскаго величества и отъ Рѣчи Посполитой его царское величество потребовати не будетъ“¹⁾.

Наступилъ условленный двухлѣтній срокъ возвращенія Кіева Москвою Польшею. Но Россія не сдала, по разнымъ

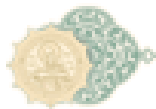
¹⁾ См. Гл. Моск. Арх. М. И. Д. польскій стат. сп. № 505, лл. 578 об. — 580.

соображеніямъ, Кіева Польшѣ. Во время возобновившихся весной 1669 г. мирныхъ переговоровъ между Россіею и Польшею самые жаркіе споры среди русскихъ и польскихъ уполномоченныхъ шли именно изъ-за Кіева. И опять польскіе комиссары съ болынею энергіею отстаивали права Польши на Кіевъ, нежели русскіе, изъ которыхъ многіе (кромѣ, кажется, Нащокина) признавали, что „Кіева задержать невозможно“¹⁾.

Съ 25 сентября 1669 г. начались сѣзды польскихъ комиссаровъ съ Нащокинымъ. На первомъ же сѣздѣ польскіе комиссары спрашивали Нащокина: „а зачѣмъ Кіевъ не отданъ въ положенный срокъ?“ „Зачѣмъ“, отвѣчали имъ Нащокинъ, „что вы прислали для его занятія полковника Циво съ немногими людьми; но развѣ можно было сдать изъ такую крѣпость?—Это было все равно, что сдать ее бусурманамъ“. Комиссары замолчали, но 19 октября опять начали толковать о Кіевѣ и допытываться причины, почему Москва не сдала Польшѣ Кіевъ въ условленный срокъ. „Нельзя было отдать вамъ Кіевъ“, отвѣчалъ Нащокинъ, „смута тогда была въ Украинѣ“. Комиссары замолчали опять и стали говорить о вѣчномъ мирѣ. На девятомъ сѣздѣ, бывшемъ 29 ноября, польскіе комиссары, очевидно, получившіе къ этому времени новыя инструкціи отъ своего правительства, опять подняли споры о Кіевѣ и рѣшительно настаивали, чтобы былъ назначенъ срокъ отдачи Кіева. Это упорство польскихъ комиссаровъ затянуло переговоры до 7 марта 1670 г., когда комиссары перестали, наконецъ, толковать о Кіевѣ. Сошлись на постановленіи, чтобы первый Андрусовскій договоръ сохранился во всѣхъ статьяхъ, запискахъ и точкахъ²⁾.

¹⁾ См у Соловьева. С. М. Ист. Рус. кн. III, стр. 391.

²⁾ См тамъ же, кн. III, стр. 396—397.

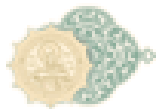

Въ декабрѣ 1671 г. въ Москвѣ, во дворцѣ великаго государя было большое торжество: происходить пріемъ великихъ и полномочныхъ пословъ его королевскаго величества— Яна Гнинскаго и Павла Бростовскаго. По окончаніи официальныхъ церемоній, начались между послами и особо назначенными для того боярами переговоры о мирѣ между Россією и Польшею. Съ первыхъ же словъ послы стали укорять бояръ за то, что Москва не сдала въ условленный срокъ Кіева Польшѣ. Бояре вмѣсто отвѣта предложили посламъ, чтобы на переговорахъ между ними присутствовали посланцы отъ гегмана Многогруднаго. Послы запротестовали противъ этого, какъ явнаго безчестія ихъ королю... и переговоры затянулись. Въ январѣ 1672 г. послы обвинили, что король могъ бы покрыть братскою любовію то, что Кіевъ на срокъ не отдастъ, если бы только былъ назначенъ другой срокъ уступки. Вмѣсто отвѣта бояре начали вычитывать посламъ разныя неправды со стороны Польши царскому величеству, какъ, напр., умаленіе титула, печатаніе книгъ на великое безчестіе государю и его предкамъ, покровительство измѣнѣ Дорошенка и т. п. Но послы все-таки не переставали требовать, чтобы былъ назначенъ срокъ возвращенію Кіева подъ Польскую державу. „Уступимъ вамъ Кіевъ“, рѣзко уже отвѣчали бояре посламъ, „а турокъ войдетъ въ Украину, и Кіевъ сдѣлается гнѣздомъ для турецкихъ войскъ“. На томъ и разошлись, согласившись, что оба великіе государи будутъ содержать ненарушимо Андрусовскія и Московскія постановленія, безъ всякаго умаленія и противнаго толкованія, а относительно, въ частности, Кіева, рѣшено было уладить на коммиссіи, имѣвшей быть въ іюнѣ 1674 г.¹⁾

Наступилъ 1674 годъ. Къ этому времени (съ 8 мая) въ Польшѣ произошла важная перемѣна. На королевскомъ

¹⁾ См. тамъ же, кн. III, стр. 400—403.

престолѣ сидѣлъ Янъ III Собѣскій, знаменитый польскій патриотъ и отличный полководецъ. Его заветной мечтою было образованіе священнаго союза христіанскихъ государей, въ томъ числѣ особенно Московскаго, для борьбы съ Турками и даже изгнанія ихъ изъ Европы. Эта идея Яна III Собѣскаго сыграла весьма важную роль въ дѣлѣ заключенія вѣчнаго мира между Россіею и Польшею и, въ частности, окончательнаго перехода Кіева подъ власть Москвы. Въ томъ же 1674 году состоялись новыя Андрусовскіе съѣзды польскихъ и московскихъ комиссаровъ для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Но на вѣчный миръ не могли опять согласиться, такъ какъ Польша не хотѣла уступить Москвѣ городовъ, которыхъ эта требовала отъ нея. Польскіе комиссары не хотѣли теперь говорить даже и о продолженіи перемирія, если Москва не уступитъ Кіевъ и не дастъ Польшѣ военной помощи противъ Турокъ. „Если“, говорили, между прочимъ, польскіе комиссары, „соединенія силъ не послѣдуетъ и Кіевъ не будетъ отданъ, то мы его саблями станемъ отыскивать; у насъ теперь государь воинственный, который не только Кіевъ, но и другіе города отыскивать будетъ; можетъ онъ оборониться отъ непріятеля и безъ царской помощи“. Москва уже поотвыкла отъ такихъ рѣчей со стороны Польши при прежнихъ короляхъ. Слова комиссаровъ были переданы въ Москву и вызвали тамъ сильный гнѣвъ на Польшу. Царь Алексѣй Михайловичъ писалъ по этому поводу королю Яну III слѣдующее: „великіе послы съѣзжаются для умноженія братской дружбы между ихъ государями, а не для угрозы; неприлично страдать мечемъ того, который и самъ, за помощію Божіею, мечъ въ рукахъ держитъ; о томъ свидѣтельствуєтъ прошлая война. О Кіевѣ вашимъ комиссарамъ говорить не годится. Кіевъ задержанъ за многія и неисчетныя съ вашей стороны намъ безчестія и досады въ пропискахъ нашего имени и титула и въ печатныхъ книгахъ: въ гра-

мотахъ, отправленныхъ изъ вашей канцеляріи, пишутъ меня Михаиломъ Алексѣевичемъ! Кіевъ задержанъ также за несчетные убытки при вспоможеніи вашему королевскому величеству противъ султана и хана Крымскаго. Вы отдали султану Украину, въ которой и Кіевъ; такъ можно ли послѣ того вамъ отдать Кіевъ“. Андрусовскіе переговоры между тѣмъ тянулись съ половины сентября 1674 г. до конца декабря и кончились ничѣмъ¹⁾. Кіевъ и теперь остался за Москвою временно.

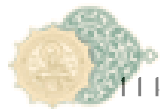
Въ іюль 1678 г. снова пріѣзжали въ Москву королевскіе послы, причемъ заключили перемиріе на 13 лѣтъ. Въ виду военного времени, мало говорили о Кіевѣ. Русское правительство, заплативъ Подышъ 200,000 московскихъ рублей, этимъ, вѣроятно, сдѣлало польскихъ пословъ болѣе сговорчивыми, между прочимъ, и на счетъ Кіева, который однакоже не былъ и теперь уступленъ Москвѣ окончательно, вопреки рѣшительному утвержденію польскаго историка Вобрижинскаго²⁾, но продолжалъ оставаться во временной оккупациі у Москвы³⁾.

Наступилъ 1686 годъ. Въ самомъ началѣ его въ Москву пріѣхали знатные послы королевскіе—Познанскій воевода Гримультовскій и Литовскій канцлеръ Огинскій. Цѣлію ихъ пріѣзда было заключеніе вѣчнаго мира между Россією и Польшею и священнаго союза противъ Турокъ. Для переговоровъ съ послами были назначены князь В. В. Голицынъ съ товарищами. Предметомъ самыхъ жаркихъ споровъ между послами былъ нашъ Кіевъ. Серьезные переговоры о Кіевѣ начались между уполномоченными на 4-мъ сѣздѣ, бывшемъ 3 марта. Послы поставили непремѣннымъ условіемъ заключенія вѣчнаго мира между Россією

¹⁾ См. тамъ же, кн. III, стр. 511.

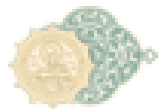
²⁾ См. его Очеркъ Исторіи Польши. Переводъ Карѣва, т. II, стр. 224. СПб. 1891 г.

³⁾ См. у Соловьева С. М. Ист. Рос., кн. III, стр. 849.

и Польшею уступку Кіева Москвою. Послы настолько рѣзко говорили объ этомъ, что опасались даже обиды на нихъ со стороны боярь. Но „ближніе бояре“ не обидѣлись и отвѣчали посламъ: „досады они, ближніе бояре, на нихъ, пословъ, въ томъ не имѣютъ, потому что какъ они, ближніе бояре, такъ і они, послы, говорятъ о дѣлахъ, исполняя повелѣніе обоихъ великихъ государей, что имъ указано, а не собою, и говорили имъ, посламъ, о томъ не для какова бесчестья, но токмо для того, когда они, послы, къ великимъ государемъ, къ ихъ царскому величеству присланы съ самымъ дѣломъ, и они бъ о тѣхъ дѣлахъ и говорили безъ продолжения, безо всякихъ лишнихъ словъ; а иные бъ слова и неслучные рѣчи отставили на сторону, чтобъ тѣми словами самому дѣлу помѣшки не учинить, потому что они послы сами во всѣхъ отвѣтахъ домогались, чтобъ приступить бес продолжения и безъ многихъ словъ; а нынѣ не такъ поступаютъ, отмѣняя прежнее свое намѣренье. А чей Смоленскъ въ древніе лѣта бывалъ, то и у нихъ въ кроникахъ о томъ есть; а что они, послы, упоминаются къ Витепску отъ Смоленска яѣ о которыхъ земляхъ, и они, ближніе бояре, учинили имъ отвѣтъ выше сего, что тотъ городъ со всѣми землями царскаго величества въ сторону уступленъ по договорамъ и пребываетъ съ ними безъ всякаго спору и по се время... и ничего къ Витепску въ уступкѣ отъ Смоленска не будетъ. А о Кіевѣ“,—продолжали затѣмъ бояре, „какъ онъ царскаго величества въ сторонѣ удержанъ правдою, и впредь никогда отданъ не будетъ, сказано имъ пространно на комиссіи; такъ же и они, ближніе бояре, въ прежнихъ отвѣтахъ имъ, посламъ, выводили пространно і вѣдая о томъ Кіевѣ подлинно имъ упоминались не годится ¹⁾).

¹⁾ См Моск. Гл. Ар. М. И. Д. Польск. ст. сп. № 224 л. л. 259 об — 261.

Послы на это отвѣчали: „хотя де нынѣ Смоленскъ и Кіевъ и царскаго величества въ границахъ, толко они у себя того не почитають, что будто тѣ города отъ нихъ отошли, а имѣють въ Божѣ надежду, что возвращены они будутъ по прежнему въ сторону королевскаго величества; а нынѣ де надобно говорить о рубежахъ, чтобъ рубежъ опредѣлить отъ Смоленска даже до Кіева, потому что де тѣ земли, которые належатъ къ Смоленску, не на вѣчной покой отданы, а уступлены въ сторону царскаго величества на время. А когда они, послы, нынѣ съ ними, ближними бояры, говорятъ о постановленіи вѣчного покою, тогда де надобно имъ говорить и о тѣхъ земляхъ, чтобъ ихъ указали великіе государи уступить въ сторону королевскаго величества, а въ прошлыхъ де посольствахъ тѣ всѣ трудности отложены до договору вѣчного покою“¹⁾. Ссылка на прежніе договоры и комиссіи, видимо, зацѣла за живое Московскихъ дипломатовъ и они обратили споръ въ другую сторону, съ юридической почвы перенесли его на чисто политическую — современную. Бояре отвѣчали посламъ, между прочимъ, слѣдующее: „и для чего бѣ великимъ государемъ, ихъ царскому величеству, тягость турецкіе за королевское величество безъ всякаго принужденія и неволи взять на свои государскіе рати, и какая бы изъ того была прибыль, по пуще бѣ привести тѣмъ отъ всего свѣта зазоръ, что ни изъ какие прибыли ту тягость на себя взять; а еще къ тому вмѣсто нагороды и изъ завоеваннаго бѣ въ королевскую сторону уступить и за нихъ битись, и крови изъ доброй воли проливать; а они, послы, предлагаютъ способы тягостныя и войну бѣ поднять, Крымъ удержать, а къ тому кабы напрімѣръ къ верхнему каѳгану въ нагороду и исподней каѳганъ взять, чему отнюдь статись невозможно“... Далѣе,

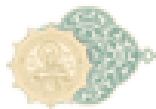
¹⁾. См. тамъ же, л. л. 261 об.—262 об.

наши бояре, ссылаясь на то, что годы перемирія еще не прошли, предлагали польскимъ посламъ совѣтъ прекратить переговоры и рѣшеніе вопроса о вѣчномъ мирѣ и о Кіевѣ отложить до комиссіи ¹⁾).

Королевскіе послы огорчились такими рѣчами бояръ и съ обидою отвѣчали имъ: „когда они, ближніе бояре, къ тому Божію и всего христіанства угодному дѣлу не приступаютъ и способовъ ихъ не пріемлютъ, а откладываютъ до комиссіи, и о томъ де какъ впредь згодиться имѣть, чего нынѣ во удобное время учинить не могутъ, а впредь де невѣдомо какое время будетъ, а договоры де и такъ заѣздомъ сѣверскихъ козаковъ нарушены, такъ же и Кіевъ въ сторону королевскаго величества по договорамъ не отданъ, и чѣмъ де къ тому дѣлу нежеланіе, то Богъ видитъ, а они желаютъ и ищутъ того суицимъ христіанскимъ сердцемъ“. Обиженные бояре, въ свою очередь, отвѣчали, „что великіе государи, ихъ царское величество, къ тому христіанскому богоугодному дѣлу приступить изволение имѣли для единого христіанства и для избавленія многихъ невольныхъ христіанскихъ душъ, и въ томъ свидѣтель Самъ Господь Богъ; а не приступаютъ къ тому дѣлу они, послы; а королевскому величеству какая тягость завоеваннаго, чего въ рукахъ своихъ не имѣть, уступить. А что они, послы, припомянули о отдаче Кіева, и того Кіева въ сторону королевскаго величества никогда отдать невозможно по самой правдѣ, для того, что воінскимъ промысломъ царскаго величества, ратныхъ людей той стороны Днѣпра жители, которые поддались было турецкому салтану изъ подданства королевскаго величества, учинились подъ высокoderжавною рукою царскаго величества, а королевское величество поступилъ въ договорѣхъ той стороны Днѣпра Украину всю турецкому салтану не

¹⁾ (м. тамъ же, л. л. 263—264 об.

выговаривая Кіева съ принаѣжащими къ нему городами і мѣсты, отъ которой королевского величества поступки салтанъ турскій всчалъ на государство царского величества войну и приходилъ къ Чигирину и на украинные мѣста той стороны Днѣпра во множественныхъ ратехъ, въ которой войнѣ не токмо царского величества казнѣ многіе убытки, но и кровопролитіе многое учинилось, и тою прошедшею войною Кіевъ той стороны Днѣпра съ принаѣжащими къ нему мѣсты царского величества ратными людьми отъ салтана турецкого отвращенъ і во владѣніе ему не допущенъ. А по той прошедшей войнѣ салтанъ турскій въ мирныхъ договорахъ городъ Кіевъ съ принаѣжащими къ нему городами и мѣсты и Запорожье написалъ въ сторону царского величества для того, что королевское величество по Жеравенскимъ договорамъ той стороны Днѣпра Украину салтану турецкому поступилъ и тѣхъ Жеравенскихъ договоровъ и по се время королевского величества съ стороны на свѣтѣ не показано“... ¹⁾.

Переговоры, какъ видимъ, приняли весьма непріятный оборотъ для польскихъ пословъ, которые снова попытались перевести споръ на юридическую почву, сославшись на прежніе договоры между Россією и Польшею о Кіевѣ. „Послы говорили, что королевское величество по договорамъ турецкому салтану Кіева и той стороны всей Украины никогда не уступивалъ и въ статьи не писывалъ, а уступилъ и написалъ немногіе украинные города, въ которыхъ мѣстахъ Немировъ и іные небольшие, а не Кіевъ, какъ они, послы, и напередъ сего о томъ въ Андрусове царского величества посломъ пространно объявляли, а о Кіевѣ де и о козакахъ въ договорахъ у нихъ съ туркомъ ничего не упомянуто, а естли бы они Украйною и Кіевомъ турецкому салтану поступились, то бѣ въ той поступкѣ былъ и Бра-

¹⁾ См. тамъ же, л. л. 265—268.

славской повѣсть и Бѣлая Церковь, которые и шли въ владѣніи королевскаго величества отъ Кіева всего въ пятнадцать мильхъ, и при договорахъ бы, естли съ туркомъ дойдеть, уноминались они о Кіевѣ и о Украинѣ у него; а тому де непріятелю водно Кіевомъ и іными мѣсты царскому величеству уступить и въ крѣпость написать, потому что они не сво и никогда онѣ ими не владѣтъ“¹⁾.

Послѣ того „ближніе бояре о уступке Кіева и Украины съ стороны королевской турецкому салтану и что тотъ Кіевъ царскаго величества въ сторону уступить салтанъ говорили многими і пространными розговори“, при чемъ указывали и на то, что „Кіевъ—не токмо оборона царскаго величества государствамъ, но и королевскаго величества землямъ многою и великою защитою есть и обороною“²⁾.

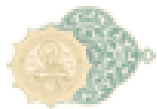
Послы королевскіе, въ свою очередь, напоминали о прежней комиссіи (очевидно, Андрусовской), когда русскіе уполномоченные обѣщали Польшѣ помощь и союзъ противъ Турціи, подѣ условіемъ чего Польша обѣщала уступить только Смоленскъ и то не со всѣмъ уѣздомъ, а Кіевъ удерживался только на время³⁾.

На томъ и закончились переговоры между боярами и послами въ четвертый ихъ съѣздъ. На слѣдующій день, 4 марта 1686 года, переговоры возобновились. Они, какъ и наканунѣ начались съ упрека нашихъ бояръ посламъ, что они напрасно затягиваютъ переговоры и не хотятъ пристуать прямо къ дѣлу. Бояре при этомъ рѣшительно заявили, что русское правительство можетъ заключить вѣчный миръ только подлѣмъ условіемъ, если Польша уступить Москвѣ тѣ города которыхъ она домогается правдою. Королевскіе послы, съ

¹⁾ См. тамъ же, д.д. 268—268 об.

²⁾ См. тамъ же д. 269.

³⁾ См. тамъ же, д.д. 269—271.

своей стороны, также категорически заявили, что они могутъ согласиться на вѣчный миръ, если Москва уступитъ Польшѣ нѣкоторыя мѣста отъ Смоленска къ Витебскому воеводству, „а з другой де стороны“,—говорили они,—„что належитъ о Кieve и о томъ де они въ прежнихъ отвѣтахъ имъ, царскаго величества ближнимъ боярамъ и думнымъ людямъ, говорили, что онѣ—ихъ и по присяженнымъ договорамъ доведетца отдать въ сторону королевскаго величества и нынѣ де они о уступке ево въ сторону королевскаго величества по договорамъ упоминаютца жъ, чтобъ былъ отданъ“¹⁾.

„И ближней бояринъ съ товарищи посламъ говорили (на это)... а что они, послы, упоминаются о уступке Кieve и о нѣкоторыхъ Смоленскаго уѣзду къ Витебскому сѣлехъ, и то дѣло нестаточно, и зачѣмъ Кieve не отданъ и впредь никогда въ отдачѣ не будетъ, то уже имъ вѣдомо подлинно і сказано имъ явнню и на прежнихъ разговорѣхъ, что на вѣчной миръ при такой тяжелой войнѣ изъ завоеваннаго царскаго величества съ стороны не токмо тѣхъ мѣстъ, чего просятъ, но ни малой части земли уступлено не будетъ, чтобъ они, королевскаго величества великие послы, вѣдали подлинно и приступили къ самому дѣлу бес продолжения, и за такую тяжкую войну для великихъ убыточныхъ неисчетныхъ ратей подъемовъ объявили царскаго величества въ сторону уступку всего завоеваннаго, не вымогая и не выпрашивая себѣ ничего“.

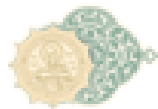
„И послы“,—сказано въ статейномъ спискѣ,—„поостоявся мало и межъ собою тайно говоря, ближнимъ боярамъ и думнымъ людямъ говорили: свидѣтельствуютца де они Господомъ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ и христіанскими государи, что государь ихъ, его королевское величество, съ

¹⁾ См тамъ же, л. 298 об.

великими государи, съ ихъ царскимъ величествомъ, жаелаетъ и ищетъ вѣмъ правдивымъ истиннымъ христїанскимъ сердцемъ брацкіе дружбы и любви и вѣчнаго покою и противъ поганныхъ бусурманъ союзу. И для той де ихъ царского величества брацкіе дружбы і любви уступаютъ они кѣ преждему на вѣчной миръ за союзъ Кіевъ со всѣмъ тамошнимъ малороссійскимъ народомъ, какъ описано въ договорѣхъ; а то де королевское величество царскому величеству уступаетъ по брацкой дружбе і любви и для добра всего христїанства и избавленія многостенящихъ въ поганой неволѣ христїанскихъ душъ, а не для какова своего упадку или іс какой неволи или съ принужденія, ... а та де съ стороны королевского величества въ сторону царского величества Кіева уступка или тягостна і предъ всѣми христїанскими государи маторна, толко то на волю Божию покладаютъ¹⁾.

Такъ трудно было королевскимъ посламъ рѣшиться на уступку Кіева Россіи! А если бы они знали, какое величайшее горе причинять они согласіемъ на уступку Кіева Москвѣ своему королю, если бы они предвидѣли, какія обидныя обвиненія по ихъ адресу будутъ сыпаться изъ устъ сеймовыхъ ораторовъ въ ближайшемъ будущемъ и какъ будутъ проклинать ихъ память отдаленные потомки, то, быть можетъ, они и не рѣшились бы ни за что уступить Кіевъ Москвѣ. Несомнѣнно, что податливость королевскихъ пословъ помогла московскимъ дипломатамъ сравнительно легко добиться отъ Польши уступки Кіева въ 1686 году, чего они не могли достигнуть въ теченіе 30 лѣтъ. Но не подлежитъ также никакому сомнѣнію и то, что важное значеніе въ этомъ случаѣ имѣла и особенная твердость и послѣдовательность, съ какою московскіе дипломаты вели переговоры о Кіевѣ съ польскими послами въ 1686 году. А этой твердости и послѣдователь-

¹⁾ См. тамъ же, л. л. 298 об.—301 об.

ности, равно какъ и вообще основательности доводовъ, какими московскіе дипломаты подтверждали свои соображенія о правахъ Россіи на Кіевъ и о необходимости его для Россіи, весьма много способствовалъ, по нашему мнѣнію, малороссійскій гетманъ Самойловичъ. Самойловичъ, безъ сомнѣнія, не сочувствовалъ союзу Россіи съ Польшею противъ Турціи, равно какъ и заключенію между ними вѣчнаго мира. Онъ всѣми силами противодействовалъ этому. Въ то же самое время онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что Польша и особенно такой патріотъ, какъ король Янъ III Собѣскій ни за что не согласится уступить Кіевъ Москвѣ. Самойловичъ прекрасно зналъ, что значить для Польши уступка Кіева Москвѣ, онъ понималъ, что эта уступка была равносильна потерѣ всей Украины, которая безъ Кіева не могла существовать. Чтеніе подробныхъ отчетовъ о переговорахъ между московскими боярами во главѣ съ княземъ В. В. Голицынымъ и польскими послами, а также и бумагъ, присланныхъ гетманомъ Самойловичемъ въ Москву чрезъ сына своего Григорія Ивановича какъ разъ во время этихъ переговоровъ, оставляетъ въ читателѣ именно такое впечатлѣніе, что насколько ясно самъ Самойловичъ понималъ величайшее значеніе Кіева и обладанія имъ для Москвы, настолько же неясны и слишкомъ смутны были представленія объ этомъ у московскихъ дипломатовъ конца XVII в. А зная, и понимая, какъ былъ необходимъ Кіевъ для Польши и какъ эта послѣдняя дорожила имъ, и, съ другой стороны, желая разстроить вѣчный миръ между Россією и Польшею, Самойловичъ потому съ особенною силою совѣтовалъ московскому правительству настаивать на необходимости требовать отъ Польши уступки Кіева. Самойловичъ, повторяемъ, былъ убѣжденъ въ томъ, что Польша не рѣшится на такое самоотверженіе и потому заключеніе вѣчнаго мира между Россією и Польшею не состоится; но, какъ видимъ, онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. А между тѣмъ сво-

ими разъясненіями московскому посольскому приказу того, насколько важно для каждаго изъ спорившихъ государствъ обладаніе Кіевомъ, гетманъ содѣйствовалъ твердости и послѣдовательности, какую проявили московскіе дипломаты въ переговорахъ съ королевскими послами въ 1686 году. Гетману Самойловичу принадлежитъ, кажется, и тотъ аргументъ, который особенно поразилъ королевскихъ пословъ во время переговоровъ 3 марта 1686 г., именно ссылка на то, что Кіевъ уступленъ Москвѣ не Польшею, но Турціею, которой, въ свою очередь, уступила его Польша.

Согласіемъ королевскихъ пословъ на уступку Кіева Польшею Москвѣ далеко не окончились споры между ними и московскими боярами. Споры эти продолжались потомъ еще около 2 мѣсяцевъ, разумѣется, съ перерывами. Споры шли собственно о томъ, какъ велико должно быть пространство земли на правомъ берегу Днѣпра около Кіева, которое вмѣстѣ съ Кіевомъ имѣло быть передано Москвѣ. 1 апрѣля 1686 г. русскіе бояре передали королевскимъ посламъ образцовую записъ договора о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею, въ третей статіѣ каковой записи говорилось о земляхъ, которыя Польша уступала Москвѣ. По этой третьей статіѣ образцовой Московской записи Москвѣ навсегда передавался Польшею „городъ Кіевъ со всѣми принадлежащими къ нему мѣстечками и городами по Днѣпру внизъ стоящими: Трепольемъ, Стайками, Ржищевымъ, Трехтемиревымъ, Каневомъ, Мошною, Сокольною, Черкасами, Боровицами, Бужиномъ, Воронковымъ, Крыловымъ, Чигириномъ, Кошакомъ и Сѣчью, съ околными въ томъ ограниченіи близкими монастырями, селами и деревнями и уѣздами, и съ нашими и съ принадлежностями оныхъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ живущіе люди имѣли, даже внизъ Днѣпра, идучи руселемъ по рѣкѣ Росѣ, отъ рѣки Днѣпра по чегыре миль и рѣкою Росію вверхъ до устья рѣчки Одшанки и чрезъ

ту рѣчку на вершины рѣчки Ирденя и Ирденемъ къ рѣкѣ Тясме и чрезъ Тясму полемъ къ вершинамъ рѣчки Ингульца, гдѣ дѣлится черпый лѣсъ съ Чигириномъ и тою рѣчкою Ингульцемъ до Днѣпра; а выше Кіева вверхъ по Днѣпру по рѣчку Ирнень, которая вверху Кіева въ трехъ миляхъ въ Днѣпръ впадающая и отъ Ирени къ Василкову, а отъ Бѣлой церкви до Кадочка и Мотовиловки“ 1)...

Королевскіе послы, когда „выразумѣли“ образцовую запись мирнаго договора и особенно третью статью ея, то ужаснулись и въ тотъ же день прислали къ боярамъ дворянина К. Рачинскаго съ товарищами, которые, между прочимъ, заявили, что „городовъ по Днѣпру внизъ стоящихъ отъ Стаекъ і Чигиринъ і иныхъ отнюдь королевскаго величества великіе і полномочные послы въ сторону ихъ царскаго величества не уступятъ, а уступаютъ царскаго величества за союзъ городъ Кіевъ съ такимъ ограниченіемъ земли, какъ къ нему описано земли въ перемирной записи на одну милью; а той съ стороны Днѣпра по самой Днѣпръ вѣсмъ городамъ и землямъ и Чигирину и Каневу і Черкасамъ и инымъ быть въ сторонѣ королевскаго величества“ 2).

Кн. В. В. Голицинъ въ отвѣтъ на это велѣлъ передать королевскимъ посламъ, чтобы они соглашались на уступку Кіева съ городами и землями, какъ они записаны въ московской образцовой статьѣ, а если они не согласны на это, то „великіе государи въ договоръ о вѣчномъ миру и о союзе вступать съ ними не указали, а вѣдали бы они съ Москвы не мѣпкая и времени не продолживая“ 3). Послы стояли на своемъ, въ уступкѣ городовъ и земель той стороны Днѣпра рѣшительно отказали и по прежнему къ Кіеву

1) См. тамъ же, л. л. 484—487.

2) См. тамъ же, л. л. 515—515 об.

3) См. тамъ же, л. л. 516—516 об.

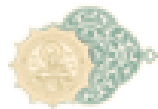
уступали земли только на одну милю. 3 апрѣля, по указу великихъ государей, были отпращены къ королевскимъ посламъ переводчики Семень Лаврецькій и подъячій Косьма Неомоновъ, которымъ велѣно было сказать посламъ буквально слѣдующее: „когда они по образцовому писму записи вѣчного миру не напишутъ и хъ Кіеву земель, также и той стороны Днѣпра городовъ царского величества въ сторону не уступаютъ, и великіе государи указали имъ съ Москвы ѣхать тотъ часъ и подводы имъ готовы“.

„И тотъ великихъ государей указъ переводчикъ и подъячій посламъ сказали и послы стояли при прежнемъ своемъ упорствѣ и хъ Кіеву земель, такъ же и той стороны Днѣпра городовъ не уступали и отказали въ томъ впрямъ, и съ Москвы де они ѣхать готовы“.

„И того жъ числа приведены были къ посламъ на посольскій дворъ подводы ямские указное число и велено имъ убираться того жъ числа“¹⁾.

Однакожъ послы не поѣхали и подводы отослали. Они начали думу думать по поводу московскаго требованія. Можно предполагать, что дума была крѣпкая, такъ какъ послы королевскіе думали надъ ней три дня и три ночи. 7 апрѣля они, наконецъ, прислали отъ себя дворянина Рачинскаго съ товарищами, „которые говорили ихъ посольскимъ именемъ: не хотя де великіе послы толь великаго и славнаго і прибыльнаго дѣла оставить и своихъ трудовъ туне потерять, приказали имъ объявить послѣднее свое намѣреніе, что на вѣчной миръ и для союзу противъ неприятелей уступаютъ они въ сторону великихъ государей, ихъ царского величества къ Кіеву на вѣчные времена земель, сверхъ прежнихъ шогі верстъ, въ договорахъ перемирныхъ описанныхъ, отъ

¹⁾ См. тамъ же, л.л.516—517.

Киева вверхъ по Днепру 15 верстъ до устья реки Ирпени, которая въ Днепръ впадаетъ. А тою рекою Ирпенемъ вверхъ 20 верстъ по мѣстечко Василковъ, идучи отъ Ирпени полемъ. А Василкову быть къ Киеву жъ, а земли, къ нему належащей по реку Стугну, на которой тотъ Василковъ стоитъ, такожь и городк(ов)амъ Треполью і Стайкамъ бѣти х Киеву жъ. А отъ Стаекъ до реки Тясмы о рубежѣ, чтобъ ему быть отъ Днепра вверхъ въ поле на дватцать верстъ, указу они королевского величества и Рѣчи Посполитой и не имѣють и позволить на то никакимъ подобиемъ не имѣють“. Относительно прочихъ спорныхъ земель по ту сторону Днепра королевскіе послы предлагали еще отложить переговоры до того времени, когда русскіе послы прибудутъ къ польскому королю для подтвержденія договора о вѣчномъ мирѣ; еслижъ и тогда не сойдутся, то быть бы той землѣ „пустой и поселения никакова не имѣть“. „И то они приказали послѣднее свое намѣренье объявить, а затѣмъ и съ Москвы ѣхать готовы тотчасъ“ ¹⁾.

Въ Москвѣ теперь, кажется, вполне убѣдились, что королевскіе послы болшихъ уступокъ не сдѣлають. Рѣшили удовлетвориться и тѣмъ, что было выговорено.

Послѣ отсылки образцовыми записями, что заняло двѣ недѣли, 26 апрѣля былъ данъ королевскимъ посламъ отпускъ, а 6 мая 1686 г. былъ подписанъ и присягою царскою скрѣпленъ договоръ о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Польшею.

Въ томъ же году за подтвержденіемъ договора со стороны польскаго короля отправились во Львовъ царскіе послы— бояринъ Б. П. Шереметевъ и окольный Чаадаевъ. Они два мѣсяца поджидали короля. Инъ Собѣскій отправился въ Молдавію, овладѣлъ Яссами, но, окруженный со всѣхъ сторонъ татарами, долженъ былъ совершить трудное отступление

¹⁾ См. тамъ же, л. л. 517 об. — 519.

ше съ голодными и больными войскомъ. Печалень прїѣхалъ Ягь Собѣскій во Львовъ. А тутъ его ожидало еще новое горе. Нужно было присягою скрѣпить договоръ съ Москвою, по которому Польша навсегда уступала Россіи Кіевъ. И король обливался горькими слезами, по доношенію нашихъ бояръ, когда присягалъ....

Священникъ *О. Титовъ.*